

Александра Хандогина

МилоСердие

Александра Алексеевна Хандогина

МилоСердие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72127414

SelfPub; 2025

Аннотация

Эта повесть о студенте, который живет в XIX веке и пытается свести концы с концами. Его жизнь кардинально меняется, когда сосед по комнате приглашает его к себе, чтобы лицезреть самого настоящего призрака. Эта встреча будет роковой для обоих героев.

В повести передана атмосфера того времени, когда студенты питались в кухмистерских, жили в мрачных гиршах и пытались заявить о себе.

Александра Хандогина

МилоСердие

–«Ух, ну и мороз! Рук своих не чувствую»,– произнёс худощавый, в заледеневших очках студент. Он пытался усесться в повозку, неуклюже подтягиваясь на подножке. Конечно-сти окоченели и это мешало двигаться. Глаза ничего не видели, только замёрзшие линзы очков. Погнутая оправа прилипла к длинному, чуть крючковатому носу. Пар шёл изо рта клубами, губы уже практически не шевелились, их свела лёгкая судорога. Пальцы ног онемели.

«Кхе-кхе. Да, зима нынче буйная. Ну, что вы там так долго? Лошадь сейчас окоченеет», – раздался раздраженный и сиплый голос извозчика. Тучный бородатый мужик, возвышался на козлах в своём длинном тулупе, он вытер намокшие от кашля усы своей огромной рукавицей, насупил лохматые брови. Лошадь тронулась. Студент ехал и думал о том, что отдаст последние деньги извозчику.

«Может мне сейчас вскочить и спрыгнуть с повозки. А там ищи меня, милый государь, как знаешь. А если я упаду, как только спрыгну? Тогда меня хлыстом отстегают, чего недоброго, а хуже будет, если ещё и схватят жандармы. Что же мне делать...?»

– «Приехали!» – громогласно произнёс извозчик и протя-

нул свою ручищу в варежке, сделанной из войлока, за своей наградой.

Студент сглотнул. Деваться некуда. Худые пальцы нырнули в карман и достали холодные монеты. Чуть дрожа, студент ссыпал две монеты извозчику, а одну сунул себе в карман сюртука так быстро, будто украл эти деньги. Также неуклюже он слез с повозки и направился к дому, где проживал уже второй месяц.

Запах сырости ударил в нос студенту, он никак не мог привыкнуть к ней. Сразу пробивало этим дурманом гириш, где ему сдавали комнату за мизерную сумму. Хозяйка комнат – Катерина, была тучной женщиной, она неряшливо одевалась, неряшливо вешала белье на сушку, неряшливо ходила – все в ней было неаккуратно. От неё слегка разило потом, хозяйственным мылом и углем.

Район, где сдавались комнаты таким же беднякам, как студент, находился на отшибе города, и вокруг стояли бани, где мылись работяги. Запах стоял сырой, землистый. На улице всегда было скользко, так как вода, которую выливали из банных ушатов, застывала прямо у порогов домов. Внутри бань всегда раздавались мужские голоса, порой не всегда трезвые, а периодически можно было услышать похабный хохот местных баб. Вещи из-за сырости не сохли, поэтому студент не стремился часто стирать своё белье, чтобы не подхватить воспаление лёгких. Да и чем изволите стирать? Даже на кусок мыла нет денег.

– «Э, малец, ты помнишь, что через неделю плата за комнату?» – поинтересовалась Катерина своим надтреснутым голосом, как у старого пианино.

– «Помню, Катерина, все помню», – пробубнил студент, спеша на второй этаж.

В комнатухе было почти также холодно, как и на улице. Поскорее сняв с себя форму, студент нырнул в кровать и заскрипел зубами, все постельное белье было холодное. «Живот уже урчит так, что на соседней улице услышат».

Раздался стук в дверь.

– «Э, учёный, выпить не хош?» – сиплый голос прорезался сквозь дверь. Было такое ощущение, что у говорящего в горле всегда влажный ком, который тот никак не может отхаркнуть.

Это сосед Каляда, он живёт за картонной стеной, любит выпить, чтобы надолго забыться. Он считает, что так жизнь быстрее проходит. А чем быстрее, тем лучше. Студент всегда считал его странным, как можно хотеть быстрее прожить жизнь? Каляда был высокого роста, худой. Руки свисали до колен, у него была привычка ходить, слегка пригибаясь, как будто он всегда боялся стукнуться головой о потолок. Голос у Каляды был хриплый, тихий, он часто надрывно и долго кашлял. Хрипоту студент списывал на то, что его сосед все время выпивает и периодически курит какие-то жутко пахнущие сигарки.

– «Ну ты че там, оглох, учёный?» – раздался утробный го-

лос соседа, заполнив комнату студента странным гортанным свистом.

«Надо выпить, чтобы согреться, а не то так и заболеть недолго, тогда точно конец».

– «Иду, Каляда, только у меня нет ничего к столу-то»

– «Это ерунда, ты, студентик, главное, слушай, а все остальное у меня есть».

Послышались шаркающие шаги, Каляда ушёл к себе, но дверь в комнату не закрыл.

Сосед любил рассказывать студенту истории о себе. Самые разные. Начиная с того, что он у императорского величества во дворце был и лично видел самого императора, заканчивая тем, что с хозяйкой гириш общается всегда так, что она прощает ему половину суммы. От таких историй студент краснел, особенно, когда Каляда вдавался в подробности.

Выпили. Горячая вода пошла по телу студента.

– «Сейчас окосею и спать, зато тепло», – мягким голоском произнёс молодой человек эти слова.

Свет от свечи мерцал в зрачках студента, очки оттаяли. Он чувствовал, что глаза становятся тяжёлыми, а разговоры соседа уходят вдаль. Хорошо на сердце, тепло. И про безденежье забыл студент, и про холод.

– «Слыш, студентик, уснул уже что ль? Ты не спи, дослушай, я перед тобой тут исповедаться хочу», – резких сип заставил студента вздрогнуть и приоткрыть тяжёлые веки.

– «Каляда, я не верующий, мне исповедоваться – грех.

Нынче в Бога только крестьяне веруют да необразованный всякий люд, а мы... Мы уже давно знаем, что нет там ничего», – студент несмело протянул дрожащий указательный палец вверх.

– «Нехорошо говоришь, студентик. Но ниче, это ты сейчас так говоришь, пока мою историю не услышал. Но я не как перед богом буду сейчас говорить, а как перед учёным».

Студент усмехнулся по доброму. Каляда – единственный человек, который верил в его «ученость». Он сам уже давно забыл зачем учиться? Для чего? Все воспринималось как мучения, как испытание... Сейчас уже учёным не стать, тут бы просто человеком остаться, не озвереть.

– «Студентик, ты слушаешь?»

– «Слушаю, Каляда».

– «Ты только не подумай, я не с пьяну сейчас. Водка меня, наоборот, отрезвляет. Я более чётко все ощущаю, если так сказать можно. Все, что я видел, было на свежую голову, слегка смоченную натуральным продуктом».

– «Хорошо, Каляда, я верю», – в кумаре отвечал студент.

– «Призрака я вижу, студентик. Каждую ночку ко мне приходит, душу рвёт, собака такая», – Каляда судорожно потёр свою голую грудь сухой ладонью и поискал глазами рюмку.

– «Призрак собаки приходит?» – в полудрёме уточнил студент.

– «Да какой собаки, типун тебе на язык! Совсем уж окосел

что ль? Призрак этот пугает меня, как собака»

– «А чей призрак то, Каляда?»

– «А вот тут и загадка. Не знаю я, кто он таков будет. Видал только, что молодой. Форма у него военная. Но такая, как при Кутузове носили ещё. Видно, что солдатик. Приходит ко мне, садится на край кровати и плачет».

– «Плачет?» – немного оживившись, спросил студент.

– «Да, прям глаза вот так закрывает», – Каляда опёрся сухими и тощими локтями в колени, закрыл глаза огромными ладонями.

– «А говорит что-то?» – уже более оживлённо стал спрашивать студент.

– «Не, ниче не говорит, только рыдает. Да так рыдает, что у меня сердце в пятки. Я ему говорю, может тебе, братец, водочки? А он не слышит. Весь в своём горе. Страшно мне, студентик. Уж не смерть ли это моя?» – Каляда резко наклонился, заглядывая в глаза студенту, стянутые поволокой.

– «А зачем смерти плакать над тобой? Она над такими, как мы с тобой, не плачет. Пользы от нас никакой, а так, вроде и спасает она нас от вечных мук. Хотя мне кажется, что мы для неё все равно, что мошки летом у болота. Маленькие, много нас и все время стаями где-то селимся».

– «Ты это брось, студентик. Каждый человек, какой бы он ни был – человек! С мошкой это ты плохое сравнение сделал. Выпей ещё лучше. Я не все тебе сказал»

Студент выпил ещё пол стакана и совсем в глазах мутно

стало.

– «Он, когда плачет, в руках что-то держит. Я спросить боюсь, мало ли что. А сам думаю, что у него в ладонях, может, крест? Аль подвеска какая?»

– «Мертвец с крестом. Ну ты, Каляда, сказки мне какие-то рассказываешь», – студент усмехнулся и облокотился о стену, к которой была придвинута железная панцирная кровать.

– «Не веришь? А вот я тебе покажу. Ты у меня тут спи, а как он придёт, дак ты сразу подскочишь, щенок! Тут от любого сна проснёшься, даже от мёртвого, ежели таки завывания услышишь»

Но студент уже не слышал обиду Каляды на него, он уже давно был обуян сном, позабыв про призрака, про призрачные слезы, про веру и безверие, про голод и холод. Он уснул и проспал до первых всхлипов.

Открыв глаза, студент ощутил страшную боль в голове. Комната кружилась. Вокруг было темно, лишь лунный свет отражался в грязном стекле, падая на деревянный пол комнаты, освещая страшные вытертые доски. Холодина стояла страшная, хотелось опять закрыть глаза и забыться.

Студент привстал и увидел страшную картину: на углу кровати сидел мужчина в военной форме. На нем был потёртый мундир из тёмно-зелёного сукна. Голову он держал руками, его тонкие покрытые мелкими царапинами пальцы охватывали все лицо, закрывая его от чужих глаз. На тёмных и редких волосах была видна седина. Солдат плакал навзрыд.

Его страшные утробные рыдания разносились, казалось, по всему дому, заползали в каждую прогнившую щель, в каждое непростиранное бельё и в каждые немые, а иногда и совсем вшивые головы жильцов.

В углу комнаты сидел Каляда. Он буквально вжался в стену и крестился. Из тёмного угла разносилось в унисон плачу: «Господи, прости меня грешного».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.